

П. Н. ГАШАНОВИЧ, Ю. Ф. МАЦКЕВИЧ

О КЛАССИФИКАЦИИ БЕЛОРУССКИХ ДИАЛЕКТОВ

Классификации современных белорусских диалектов посвящена значительная литература. Однако и до последнего времени, несмотря на обилие исследований и наличие большого фактического материала об особенностях территориального распространения важнейших языковых явлений, в научной диалектологической литературе нет единого мнения ни о количественном составе, ни об особенностях структуры основных диалектных массивов белорусского языка. Особенно неопределенными остаются территориальные границы наречий. Они очерчены по-разному и в классификациях с делением белорусского языка на два наречия (юго-западное и северо-восточное), и в классификациях, авторы которых выделяют три группы говоров (юго-западные, среднелитовские и северо-восточные)¹. Так, при делении всех говоров на два наречия территориальные границы колеблются от линии Полоцк — Орша — Могилев — Новозыбков до линии Лида Гродненской обл. — Минск — Бобруйск — Гомель.

Не привела к созданию единой классификации и наметившаяся в последние годы разработка деления всех белорусских говоров на три группы. Особенно значительны расхождения при характеристике среднелитовского, или центрального, диалектного массива. Одни исследователи относят к нему говоры переходного типа на стыке юго-западного и северо-восточного наречий по обе стороны от линии Вилейка — Минск — Борисов — Быхов — Гомель², другие включают в состав этого диалектного массива то говоры Гродненской, Молодечненской и Минской областей (по административному делению до 1954 г.), то говоры большинства белорусских областей [Минской, Гродненской, южной (большей) части Молодечненской и западной части Могилевской]³, то лишь массив минско-молодечненских говоров⁴, в связи с чем эта группа говоров и до сих пор не имеет вполне конкретных очертаний.

Обилие накопленного к настоящему времени фактического материала позволяет, несмотря на общую неразработанность принципов и признаков классификации говоров, уже теперь внести существенные коррективы в характеристику основных диалектных групп и поставить ряд вопросов, связанных с классификацией белорусских диалектов.

¹ Авторы некоторых классификаций пользуются соответственно терминами «южные», «центральные» и «северные» говоры.

² См., например: Н. Д у р н о в о, Введение в историю русского языка, ч. 1, Вгпо, 1927, стр. 99; П. Б у з у к, Спроба лінгвістычнага геаграфіі Беларусі, ч. 1, вып. 1, Мінск, 1928, стр. 80—83; П. Н. Г а ш а н о в и ч, К вопросу о народнодиалектной основе современного белорусского национально-литературного языка. Канд. диссерт., Минск, 1954, стр. 254; W. K u r a s z k i e w i c z, Zarys dialektologii wschodniosłowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych, Warszawa, 1954, стр. 74; Ю. Ф. М а ц к е в и ч, Формы 3-й osoby адзіночлага ліку цяперашняга і будучага простага часу ў беларускай мове, «Весті АН БССР». Серыя грамадскіх навук, № 3, Мінск, 1958, стр. 159.

³ См.: Н. Т. В а й т о в і ч, Да пытання аб дыялектнай аснове беларускай літаратурнай мовы, «Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР», вып. II, Мінск, 1954, стр. 157 и сл.; е е ж е, О диалектной основе современного белорусского литературного языка, ВЯ, 1954, № 4, стр. 27 и сл.; П. Я. Ю р г е л е в и ч, Нарыс сучаснай беларускай мовы з гістарычнымі каментарыямі, Мінск, 1958, стр. 17—19.

⁴ Н. В. Бі р ы л а і Н. Т. В а й т о в і ч, Кніга па ўсходнеславянскай дыялекталогіі, «Весті АН БССР». Серыя грамадскіх навук, № 3, 1956, стр. 144.

Анализ карт диалектологического атласа показывает, что преимущественное большинство изоглосс важнейших фонетико-морфологических явлений пересекает территорию белорусского языка в направлении с запада на юго-восток, образуя четыре наиболее значительных пучка изоглосс, идущих по линиям: 1) Лида Гродненской обл. — Минск — Бобруйск — Речица — Лоев Гомельской обл.; 2) Свирь Молодечненской обл. — Бегомль Минской обл. — Могилев — Сураж Брянской обл.; 3) Полоцк — Могилев — Сураж Брянской обл.; 4) Пружаны Брестской обл. — Пинск — Туров — Наровля Гомельской обл.

*

Остановимся на изоглоссах явлений юго-западной локализации, образующих наиболее важные и наиболее компактные пучки изоглосс. Выделяя юго-западное наречие, Е. Ф. Карский учитывал следующие черты: недиссимилятивное аканье, отвердение *p*, наличие дифтонгов, появление приставного *z* перед начальными *a*, *o*, *y*, *u*, оформление глаголов в 3-м лице ед. числа на *-ц'* и без *-ц'* в зависимости от типа спряжения и саканье¹.

В последующих классификациях² эта общая характеристика была пополнена указанием на следующие морфологические черты: формы имен существительных в им. падеже мн. числа на *-ě* (типа *валѣ*, *бурак'ѣ*), следы форм дв. числа существительных женского и среднего рода на *-e* (типа *дз'в'е хѣц'е*, *дз'в'е акн'ѣ*), употребление род. падежа в значении винительного от неодушевленных имен существительных, формы прилагательных мужского и среднего рода в им. падеже на *и-*, *-и* (типа *с'ѣн'и*, *малады*), оформление 1-го лица глаголов на *-мó* (*-мо*, *-ма*) и 2-го лица на *-ѣц'е* (*-ѣц'е*) в повелит. наклонении мн. числа и в соответствующих лицах на *-ѣм* (*-ем*), *-мó* (*-мо*, *-ма*) и *-ѣц'ѣ* (*-ѣц'е*) у глаголов настоящего времени изъявит. наклонения мн. числа, а также образование будущего сложного с *иму* (типа *раб'ѣц'му* — *раб'ѣц'иму*, *хадз'ѣц'му* — *хадз'ѣц'иму*).

Карты атласа позволяют не только внести существенные коррективы в эту общую характеристику юго-западного наречия, но и существенно пополнить ее новыми чертами. Прежде всего следует отметить, что значительная часть приведенных особенностей присуща лишь отдельным небольшим группам юго-западных говоров, другие же характерны для большинства белорусских говоров. Так, например, формы 1-го лица на *-мо* (*-ма*) в говорах с полным акавьем изъявит. наклонения и повелит. наклонения мн. числа, приведенные в классификации МДК, и формы глаголов 1-го лица на *-ѣм* (*-ем*) и 2-го лица на *-ѣц'ѣ* (*-ѣц'е*) изъявит. наклонения мн. числа, отмеченные Н. Дурново, занимают территорию Гродненской, Брестской и самую западную окраину Гомельской областей. Правда, есть основания предполагать, что формы 1-го лица мн. числа на *-мо* изъявит. наклонения занимали в прошлом большую территорию, но под влиянием форм глаголов класса на *-e* (типа *идóм*) были значительно оттеснены. Об этом свидетельствует тот факт, что формы повелит. наклонения на *-мо* (типа *нас'ѣймо*) заходят значительно дальше на восток по сравнению с соответствующими формами изъявит. наклонения. Кроме того, формы на *-мó* от глаголов II спряжения занимают большую территорию, чем соответствующие формы глаголов I спряжения.

Формы имен существительных на *-ě* в им. падеже мн. числа господствуют в говорах Гродненской обл.; в остальных говорах они распространены островками, которые не выходят в основном за пределы южной части Минской обл. Территорией южной части юго-западного наречия (Брест-

¹ См. Е. Ф. Карский, *Белорусы*, Вильна, 1904, стр. 193—197.

² См.: «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе», «Труды МДК», вып. 5, М., 1915, стр. 52—53; Н. Дурново, *Очерк истории русского языка* М. — Л., 1924, стр. 90—91.

ская, южные районы Мипской и западные районы Гомельской обл.) ограничено распространение саканья и будущего сложного с *иму*, включенных в общую характеристику юго-западного наречия Карским и Дурново.

Недиссимилятивное аканье, которое во многих классификациях включалось в число наиболее характерных особенностей рассматриваемого наречия, присуще, за исключением говоров самых южных районов Брестской и западной части Гомельской, а также Могилевской и восточных районов Витебской областей, говорам как юго-западного, так и северо-восточного массивов¹. Еще ббльшую территорию, чем недиссимилятивное аканье, охватывает произношение твердого *p*, положенное в основу деления белорусского языка на наречия в классификации Карского.

Составленные карты атласа позволяют в то же время пополнить характеристику юго-западного наречия. В области морфологии отметим следующие наиболее важные особенности:

а) в именах существительных — преимущественное употребление форм женского рода II склонения на *-бйу*, *-бйу* (*-айу*) в твор. падеже ед. числа (типа *за гарбйу*, *радн'бйу*, *пад хатайу*, *в'йин'айу*), сохранение форм среднего рода на *-а* в им. падеже мн. числа (типа *в'одра*, *ворота*, *пал'а*), оформление на *-а* (*-б*) в им. падеже ед. числа слов среднего рода, обозначающих молодые существа, с сохранением суффикса *-ат-* в косвенных падежах мн. числа; сохранение фонетически закономерных для этого массива говоров ударяемых окончаний *-бм* (*-бм*) в дат. падеже и *бх* (*-бх*) в предл. падеже мн. числа у слов мужского рода (типа *братбм*—*братбх*, *сватбм*—*сватбх*);

б) в именах прилагательных — стяжение гласных в неударяемых окончаниях в им. и вин. падежах женского и среднего рода после выпадения интервокального *j* (*залата пара*, *добра жита*, *гарачу ваду*); формы женского рода на *-бйе*, *-бйе* (*-айе*) в род. падеже ед. числа; формы женского рода на *-бйу*, *-бйу* (*-айу*) в твор. падеже ед. числа; формы мужского и среднего на *-бм*, *-бм* (*-ам*, *-ум*) в предл. падеже ед. числа [типа *на сухбм дварё*, *у ц'бмнум* (*-ам*) *л'ес'е*, *у син'ум* (*-ам*) *мору*];

в) в именах числительных — использование от числительного *два* в косвенных падежах формы *дво* и наличие твердого *m* в формах твор. падежа от числительных *тры* и *чатыры*;

г) в глаголах — сохранение показателей спряжений в 3-м лице мн. числа (*хбда'ац'*, *кажуц'*); сохранение неударяемого показателя инфинитива — *ц'и* в глаголах типа *н'ес'ц'и*, *в'ес'ц'и*; сохранение эпентетического *л'* в основе настоящего времени глаголов I спряжения (типа *дрэмл'еш* — *дрэмл'уц'*); наконец, довольно последовательное сохранение суффикса *-а* в инфинитиве глаголов II спряжения (*дрыжац'*, *крячац'*).

Из фонетических явлений самыми яркими чертами юго-западных говоров являются: сохранение неударяемых *о* и *е* в конечных открытых слогах (*балото*, *ц'бпло*, *хбраше*, *учбре*), удержание конечного сочетания «согласный + *j*» в интервокальном положении или произношение на месте этого сочетания просто мягкого согласного (*с'в'ин'* [*j*] *а*, *кас'* [*j*] *б*, *ноч* [*j*] *у*) и отвердение *m* в именах существительных среднего рода бывших основ на *-ен-* (*плам'я*, *стрэм'я*). Значительный массив этих говоров охватывает также распространение сильного яканья и еканья.

Перечень приведенных особенностей говорит о том, что наряду с новообразованиями говоры юго-западного массива отражают во многих случаях более древнее состояние как в области склонения и спряжения, так и в области фонетики. Изогlossen большинства этих явлений, сближаясь на значительном протяжении, образуют один из самых значитель-

¹ См. Н. Т. В а й т о в и ч, Аб тыхах аканья ў першым складзе перад націскам пасля цвёрдых зычных у беларускіх гаворках, «Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР», вып. V, 1958, стр. 193—194.

Карта 1¹: 1 — формы существительных, прилагательных и местоимений женского рода на *-bju*, *-bju* (*-ajju*) в твор. падеже ед. числа; 2 — формы прилагательных и местоимений мужского и среднего рода на *-om*, *-om* (*-om*, *-om*) в предл. падеже ед. числа; 3 — следы форм дв. числа существительных женского и среднего рода на *-e*; 4 — северная граница оформления глаголов II спряжения в 3-м лице ед. числа на *-u* в юго-западных говорах; 5 — различие показателей спряжения в 3-м лице мн. числа; 6 — *л'* эпентетикум в основе настоящего времени глаголов; 7 — последовательное употребление суффикса *-a-* в инфинитиве глаголов II спряжения.

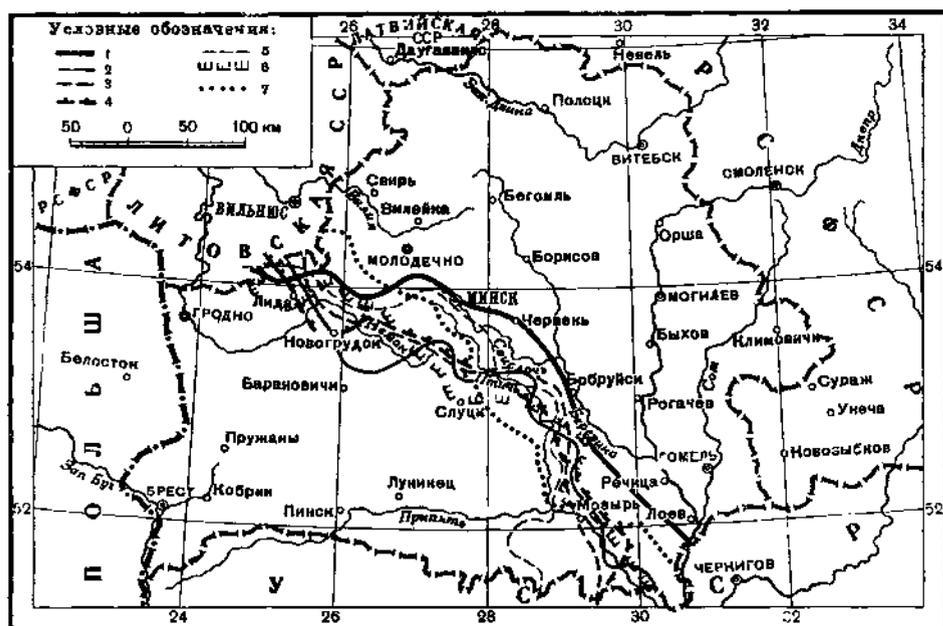
¹ О направлении территориального распространения диалектных явлений в отношении их границ, обозначаемых на картах, см. в тексте статьи.

ных пучков по линии Лида Гродненской обл. — Минск — Бобруйск — Речица — Лоев Гомельской обл. (см. карты 1, 2).

Не совпадают с основным пучком только изоглоссы распространения форм прилагательных мужского рода на *-u*, *-u* в им. падеже ед. числа и четкого различия показателей спряжений в 3-м лице мн. числа. Северные изоглоссы этих особенностей, охватывая некоторые говоры, прилегающие к юго-западному массиву с севера, совпадают с пучком изоглосс, отграничивающим северо-восточное наречие. Кроме этого, несколько отклоняются на север на территории Западной Белоруссии изоглоссы сильного яканья и отвердения *m* в именах существительных среднего рода бывших основ на *-em*¹, но на территории восточной части Белоруссии (на участке Минск — Бобруйск — Речица — Лоев) они сближаются и идут параллельно с основным пучком изоглосс (изоглоссы этих явлений показаны на картах 7 и 10). Это дает основание провести территориальную границу юго-западного наречия по линии Лида Гродненской обл. — Минск — Бобруйск — Речица — Лоев Гомельской обл.

Пучки изоглосс других явлений, пересекающие рассматриваемую территорию в различных направлениях, позволяют выделить более мелкие диалектные группы в составе юго-западного наречия. Так, в области фонетико-морфологической структуры отчетливо выступают три группы говоров — западная, восточная и южная.

¹ См. о распространении этого явления: Н. В. Бірыла, Этымалагічна мяккія губныя зычныя ў беларускіх народных гаворках, «Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР», вып. III, 1957, стр. 89 и сл.

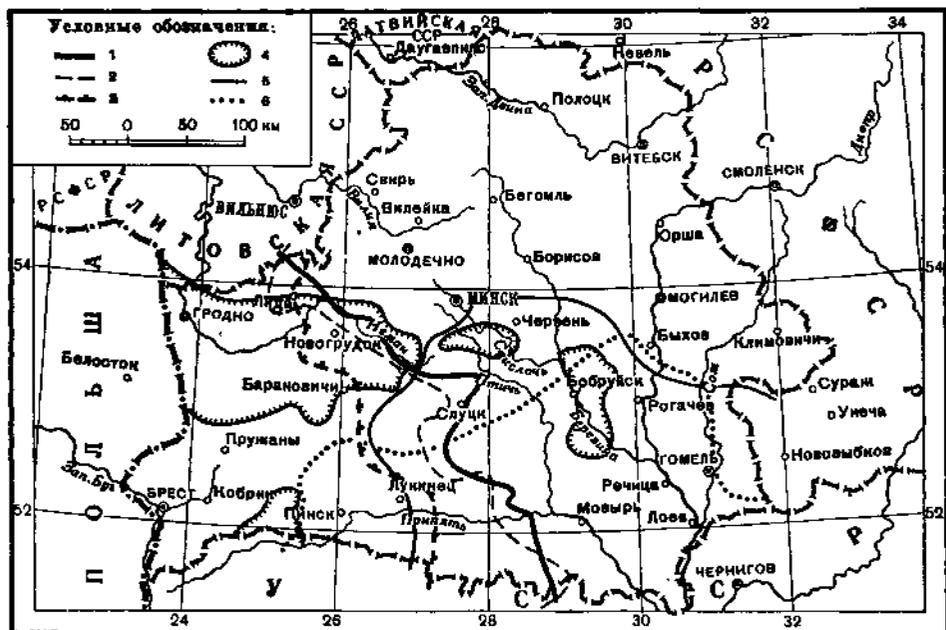

Карта 2: 1 — формы существительных среднего рода на *-а* в им. падеже мн. числа; 2 — стяжение гласных в неударяемых окончаниях им. падежа прилагательных женского и среднего рода после выпадения интервокального *j*; 3 — стяжение гласных в неударяемых окончаниях вин. падежа прилагательных женского и среднего рода после выпадения интервокального *j*; 4 — формы прилагательных женского рода на *-ьё*, *-ёйе* (*-айе*) в род. падеже ед. числа; 5 — формы 2-го лица на *-еу'е* во мн. числе повелит. наклонения; 6 — гласные *о* и *е* в конечных открытых неударяемых слогах; 7 — конечное сочетание «согласный + *j*» в интервокальном положении или произношении на месте этого сочетания мягкого согласного.

Западная группа характеризуется прежде всего сохранением более древнего состояния системы склонения и спряжения. Как уже частично отмечалось при уточнении общей характеристики юго-западного наречия, говоры этой группы выделяются наличием форм 1-го лица тематических и нетематических глаголов во мн. числе изъявит. наклонения на *-мо* (типа *гл'адз'имб*, *хбдз'имо*, *йамб*, *дамб*), формами с последовательным сохранением тематического гласного *-е* в I спряжении изъявит. наклонения (*идз'ем*, *жн'ем*, *арем* — *идз'еу'е*, *жн'еу'е*, *арау'е*) и преимущественным употреблением форм существительных на *-ё* в им. падеже мн. числа (типа *вал'ё*, *сынё*, *нажé*, *жанк'ё*) (см. карту 3).

Более древняя фонетико-морфологическая структура юго-западного наречия подверглась в говорах восточной группы значительному разрушению. Это особенно отчетливо проявляется в параллельном употреблении фонетико-морфологических дублетов. Процесс этот живой, и интенсивность его усиливается под влиянием норм современного литературного языка.

Особенно явственно распадение древнейшей системы проявляется в бассейне Днепра, где, как известно, издавна осуществлялись интенсивные экономические связи с другими областями и экономическими центрами страны. По мере усиления этих связей возрастали процессы взаимодействия между разными диалектными группами, интенсивнее происходило стирание местных и распространение общих языковых особенностей. Как результат этих процессов следует рассматривать общее отклонение в южном направлении лучка изоглосс, ограничивающего юго-западное наречие и его восточную подгруппу с севера и востока. Так, к числу оттесняемых явлений относятся формы существительных

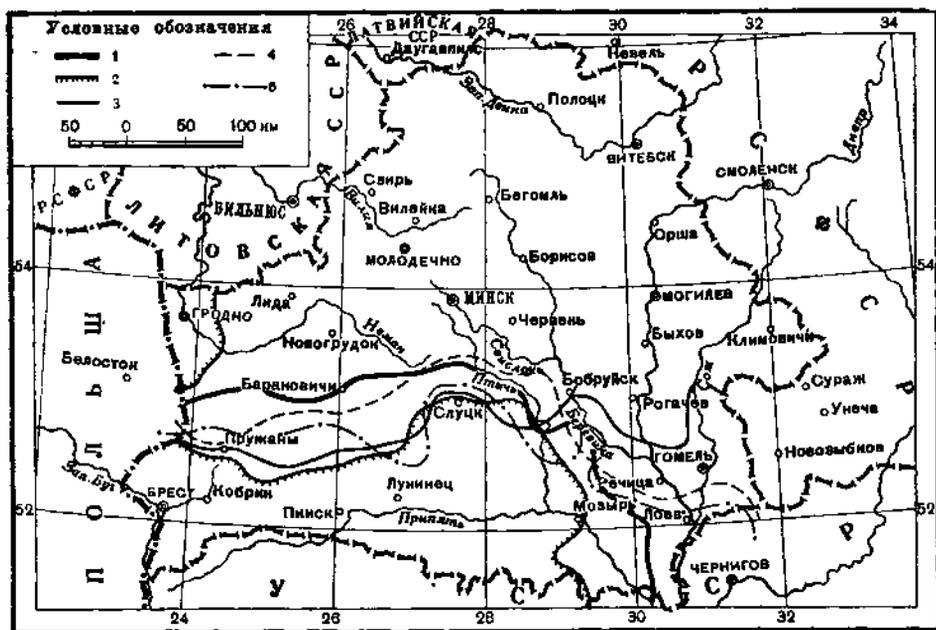
Карта 3: 1 — формы тематических глаголов первого лица мн. числа изъяв. наклонения на *-мо*; 2 — формы нетематических глаголов 1-го лица мн. числа изъяв. наклонения на *-мо*; 3 — формы с последовательным сохранением тематического гласного *-е-* в I спряжении изъяв. наклонения; 4 — территория распространения форм существительных на *-ё* в им. падеже мн. числа; 5 — формы глаголов 1-го лица мн. числа I спряжения изъяв. наклонения на *-бм* (*-ам*) с отвердением предшествующего согласного основы; 6 — формы инфинитива на *-ц'у́* при основе на заднеязычный согласный.

среднего рода на *-а* в им. падеже мн. числа, формы прилагательных и местоимений женского рода на *-бье*, *-ёйе* (*-айе*) в род. падеже ед. числа (типа *маладбье жанчыны*, *бац'кбу́скайе даламбё'у*, *з гэтайе пары*); формы 2-го лица на *-ёц'е* (*-ёц'е*) во мн. числе повелит. наклонения (типа *ваз'м'ёц'е*, *идз'ёц'е*, *палажэц'е*, *стукн'ёц'е*), а также некоторые фонетические явления, как, например: сохранение гласных *-о* и *-е* в конечных открытых неударяемых слогах (*л'это*, *бл'йско*, *пл'е*, *хбраше*). Изоглоссы отмеченных явлений отходят к западу. Их оттеснение сопровождается распространением новообразований, идущих с северо-востока (см. карту 2).

В качестве объединяющих особенностей восточной группы выступают формы 1-го лица глаголов I спряжения изъяв. наклонения на *-бм* (*-ам*) с отверждением предшествующего согласного основы во мн. числе (типа *идбм*, *н'асбм*, *жывбм*, *п'акбм*, *будам*); формы инфинитива на *-ц'у́* при основе на заднеязычный (типа *п'екц'у́*, *мацц'у́*) (см. карту 3). Для акцентологических норм этих говоров характерно перемещение ударения в формах инфинитива и прошедшего времени глаголов (типа *н'ёс'ц'у* — *н'ёсла*, *н'ёс'л'у*; *в'ёс'ц'у* — *в'ёсла*, *в'ёс'л'у*; *трэс'ц'у* — *трэсла* и т. д.).

Загукание архаических черт, распространение новообразований и дают основание для выделения этих говоров в восточную группу в составе юго-западного наречия. Западная граница этого массива очерчивается изоглоссой форм типа *идбм*, а северо-восточная — пучком изоглосс, которым юго-западное наречие отграничивается с северо-востока.

Заканчивая характеристику западной и восточной групп юго-западного наречия, необходимо отметить, что изоглоссы отдельных явлений пересекают территорию этих групп в направлении с запада на восток

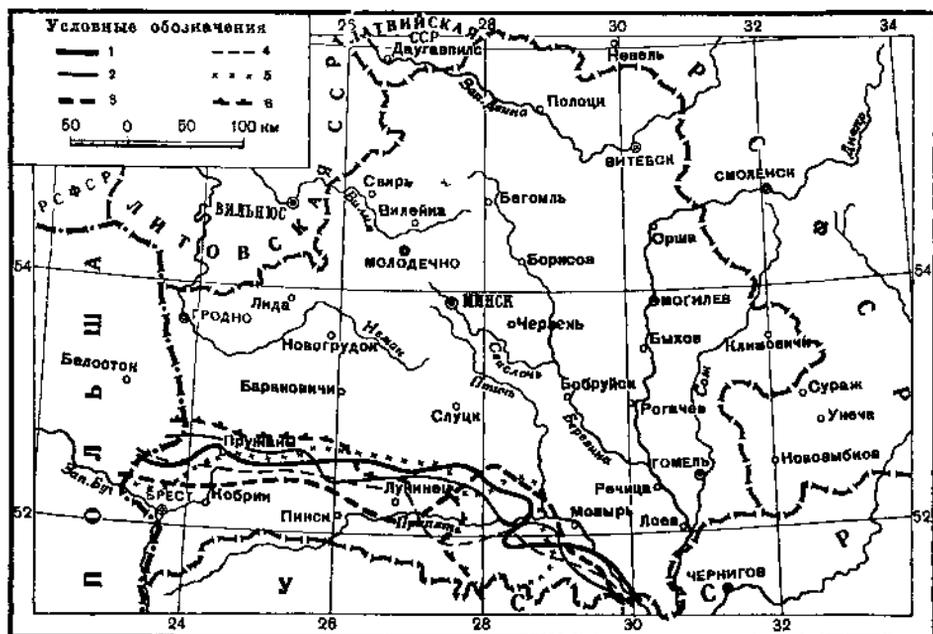
Карта 4: Северные изоглоссы распространения: 1 — форм будущего с *иму*; 2 — возвратной частицы *-са*; 3 — форм 3-го лица мн. числа на *-ац'* от инфинитива *йэс'ц'и*; 4 — отвердения губных перед *а, о*; 5 — еканья.

(формы будущего с *иму*, употребление возвратной частицы *-са*, оформление 3-го лица мн. числа на *-ац'* от инфинитива *йэс'ц'и*, отвердение губных перед *а, о* с выделением йотовой артикуляции и последовательное еканье) (см. карту 4), но в большинстве своем это черты регрессирующие — ср. саканье¹ и отвердение губных, которые даже носителями этих говоров осознаются как местные диалектные особенности; ср. также будущее с *иму*, которое употребляется в говорах параллельно с литературными формами. Поэтому изоглоссы этих явлений не имеют решающего значения при установлении границ современных диалектных групп юго-западного наречия.

В основном особенностями фонетической системы отличаются говоры южной, или полесской, группы юго-западного наречия (бассейн Припяти и прилегающая к нему территория самых западных районов). Говоры этой территории характеризует: наличие оканья, появление протетического *в* в формах местоимений (*вон, вонá, вонó, вони*), изменение *'а* в *е* в 3-м лице мн. числа глаголов II спряжения (*сп'ец'и [т', т], хóдз'ец'и [т', т]*), выравнивание основы настоящего времени у глаголов на заднеязычной и губной (типа — *сеч'у — сеч'иц'и [т', т], лóц'л'у — лóц'л'ац'и [т', т]*), оформление инфинитива на *-ты*, а также более устойчивое сохранение форм будущего с *иму*. Изоглоссы всех этих явлений идут по линии Пружаны Брестской обл. — Пинск — Туров — Наровля Гомельской обл. (см. карту 5).

Юго-западная окраина южной группы выделяется целым комплексом таких ярких фонетико-морфологических особенностей, как, например, наличие твердых согласных перед гласными переднего ряда (*идé, хóдыт*), рефлекс *ѣ > и* (*д'ид, хл'иб*), своеобразное изменение *о, е* в открытых

¹ См. L. Ossowski, Białoruskie gwarowe formy 3 osoby singularis i pluralis praesentis i infinitiwu typu *m'yc'a, m'yc'isa, m'yc'a*, «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Wrocławskiego». Seria A, № 5, 1957, стр. 138.

Карта 5: 1 — аканье; 2 — протетическое *в* в формах местоимений *вон, вонь, вонь, вонь*; 3 — изменение *'а* в *е* в окончании 3-го лица мн. числа глаголов II спряжения; 4 — выравнивание основы настоящего времени глаголов на заднеязычный (*сечу́* — *сечу́ц'* [т', т]); 5 — выравнивание основы настоящего времени глаголов на губной (*лбу́л'у* — *лбу́л'ац'* [т', т]); 6 — формы инфинитива на *-ты*.

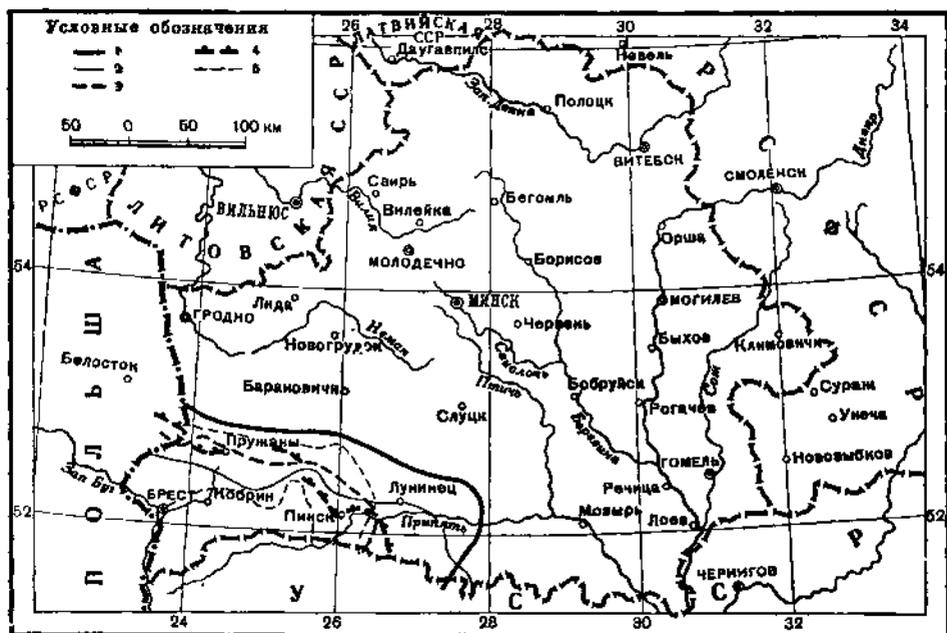
словах (типа *выда́, зымл'а*), совпадение окончаний дат. и предл. падежей существительных мужского рода (*да́ты брато́вы, се́дыт на плуго́вы*), употребление форм 3-го лица глаголов на *-т* (*хобдыт — ходыт*) и некоторые другие черты (см. карту 6). Говоры с наличием всех этих важнейших черт объединяются по основе с североукраинскими говорами. Но современное состояние этих говоров свидетельствует о постепенном разрушении местных особенностей под влиянием прилегающих говоров с севера и общенациональных литературных норм белорусского языка. Отступление местных особенностей далее на юг отмечают и украинские диалектологи¹.

*

Северо-восточное наречие белорусского языка выделяется в классификации Е. Ф. Карского² на основе распространения диссимилятивного аканья, мягкого *р*, форм прилагательных мужского рода на *-ей* в им. падеже ед. числа, оформления глаголов в 3-м лице ед. числа на *-ц'*. Состав этих черт был значительно расширен Московской диалектологической комиссией в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе». Авторы «Опыта», ограничивая характеристику северо-восточного наречия общим указанием на отсутствие малорусских черт, присущих юго-западному наречию, имели в виду следующие особенности: 1) диссимилятивное аканье, 2) монофтонгическое произношение ударяемых гласных *о, ё, е*, 3) употребление приставного *в* перед начальными ударяемыми *о* и *у*, 4) удлинение согласных в интервокальном положении, 5) формы существительных среднего рода на *-и, -ы* в им. падеже мн. числа (типа

¹ См. Ф. Т. Жилко, Деякі питання класифікації говорів української мови в світлі даних лінгвістичної географії, «Філологічний збірник», Київ, 1958, стр. 84, 85.

² Е. Ф. Карский, указ. соч.

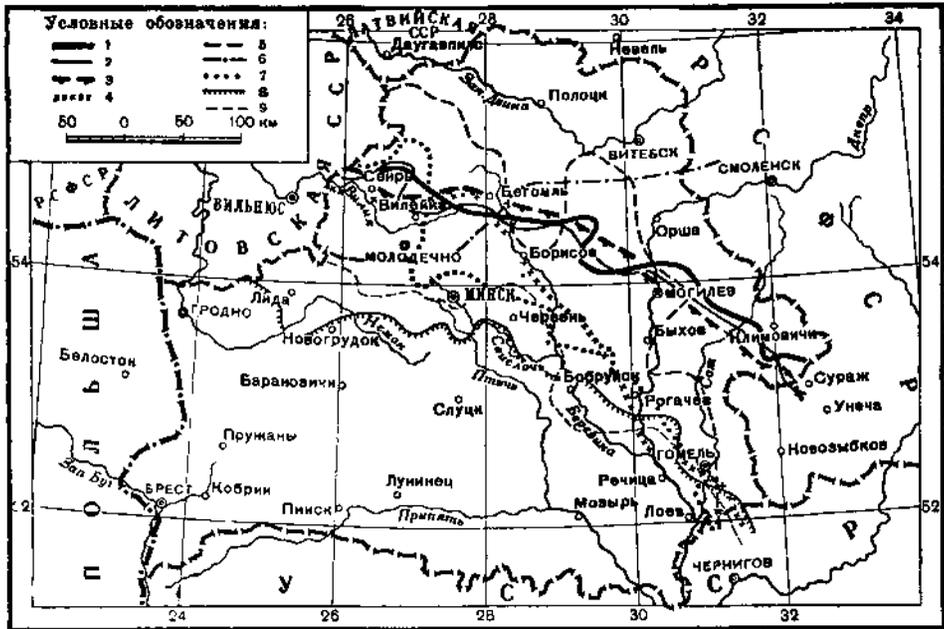
Карта 6: 1 — отверждение согласных перед гласными переднего ряда; 2 — распространение рефлекса $\bar{t} > \bar{c}$; 3 — изменение *o, e* в открытых слогах (*выд́а, вымл́а*); 4 — формы дат. и предл. падежей на *-ви, -еви* существительных мужского рода; 5 — территория распространения форм 3-го лица глаголов на *-т*.

с'блы, пал'й), 6) отсутствие следов форм дв. числа, 7) формы прилагательных мужского и среднего рода на *-ий, -ий* в им. падеже ед. числа, 8) употребление в повелит. наклонении форм на *-ом* в 1-м лице и на *-иц'е* (*-ыц'е*) во 2-м лице мн. числа и некоторые другие особенности. Эта общая характеристика авторов «Опыта», пополненная Н. Дурново указанием на совпадение предл. и твор. падежей прилагательных, порядков числительных и местоимений мужского и среднего рода, на употребление ударяемых окончаний *-ом* в 1-м лице и *-иц'е* (*б*), *-ыц'е* (*б*) во 2-м лице изъявит. наклонения мн. числа, на оформление будущего сложного «буду + инфинитив»¹ вместе с указанием на характерные для юго-западного наречия явления, давала возможность выявить основные диалектные группировки и уточнить особенности их структуры. Однако в тот период диалектология не располагала точными данными о территориальном распространении отмеченных явлений, и границы наречий устанавливались на основе распространения единичных явлений.

Собранный и изученный к настоящему времени материал позволяет не только преодолеть условность принципов деления говоров предшествующих классификаций, но и пополнить характеристику северо-восточного наречия многими новыми чертами. Остановимся на наиболее общих явлениях, объединяющих большинство говоров северо-восточного диалектного массива.

К числу морфологических особенностей, отличающихся наиболее выразительным территориальным разграничением, относятся формы спряжения. Так, в говорах северо-восточного массива глаголы класса на *-и* с подвижным ударением и неподвижным на основе в 3-м лице мн. числа употребляются с окончанием *-уц'* (*гавбруц', хбдз'уц, став'уц'*). С суффиксом *-учы* от тех же акцентологических групп глаголов употребляются и деепричастия (*хбдз'учы, став'учы*). Изоглоссы отмеченных явлений

¹ См. Н. Дурново, Очерк истории русского языка, стр. 91; е го же, Введение в историю русского языка, стр. 152.

Карта 7: 1 — последовательное оформление глаголов I спряжения с ударением на основе в 3-м лице ед. числа на *-ц'* (типа *кажыц'*); 2 — последовательное оформление глаголов I спряжения с конечным ударением в 3-м лице ед. числа на *-ц'* (типа *идз'вц'*); 3 — южная изоглосса распространения форм глаголов II спряжения в 3-м лице ед. числа на *-ц'*; 4 — формы существительных на *-бнок*, обозначающих молодые существа; 5 — формы прилагательных мужского рода в им. падеже ед. числа на *-ий*, *-ий*; 6 — нетематические глаголы *дац'* и *йэс'ц'и* в 1-м лице мн. числа изъяв. наклонения на *'бм*; 7 — окончание *-уц'* в 3-м лице мн. числа глаголов класса *и* с ударением на основе; 8 — формы 2-го лица мн. числа глаголов изъяв. наклонения на *-иц'б* (*-ыц'б*); 9 — глаголы класса *е* без *л'* эпентетикум в основе настоящего времени.

охватывают одну и ту же территорию и в говорах восточной части Белоруссии проходят в одной плоскости с изоглоссами диссимилиативного яканья, что, вероятно, свидетельствует о связи комплекса морфологических черт с особенностями фонетической системы говоров.

Рассматриваемые говоры отличаются особенностями глагольных основ: глаголы класса *-е* на губной утратили *л'* эпентетикум в основе настоящего времени (*дрэм'иш*, *дрэм'иц'*, *дрэм'им* и т. д.), сохранив его только в основе 1-го лица ед. числа (*сыл'у*). Глаголы этого типа, таким образом, уподобились соответствующей основе глагола класса *-и* (*кармл'у* — *кёрм'иш*).

Кроме этих особенностей, следует указать, что существительные, обозначающие молодые существа, оканчиваются в рассматриваемых говорах на *-бнок* (*ц'ал'бнок*, *йагн'бнок*, *дз'ац'бнок*) и относятся к мужскому роду. Значительную территорию охватывает оформление нетематических глаголов *дац'* и *йэс'ц'и* в 1-м лице мн. числа изъяв. наклонения на *'бм* (*дадз'бм*, *йадз'бм*) и ассимиляция согласных в сочетаниях *дн* (*халбнна*, *трўнна*, *рўнний*).

Изоглоссы отмеченных нами явлений, сближаясь на значительном расстоянии с изоглоссами территориального распространения форм, указанных в предшествующих классификациях, в частности форм глаголов 3-го лица ед. числа на *-ц'* и форм прилагательных мужского рода в им. падеже на *-ий*, *-ий*, образуют пучок изоглосс, пересекающих территорию белорусских говоров по линии Свирь Молодечненской обл. — Бегомль Минской обл. — Могилев — Сураж Брянской обл. (см. карту 7).

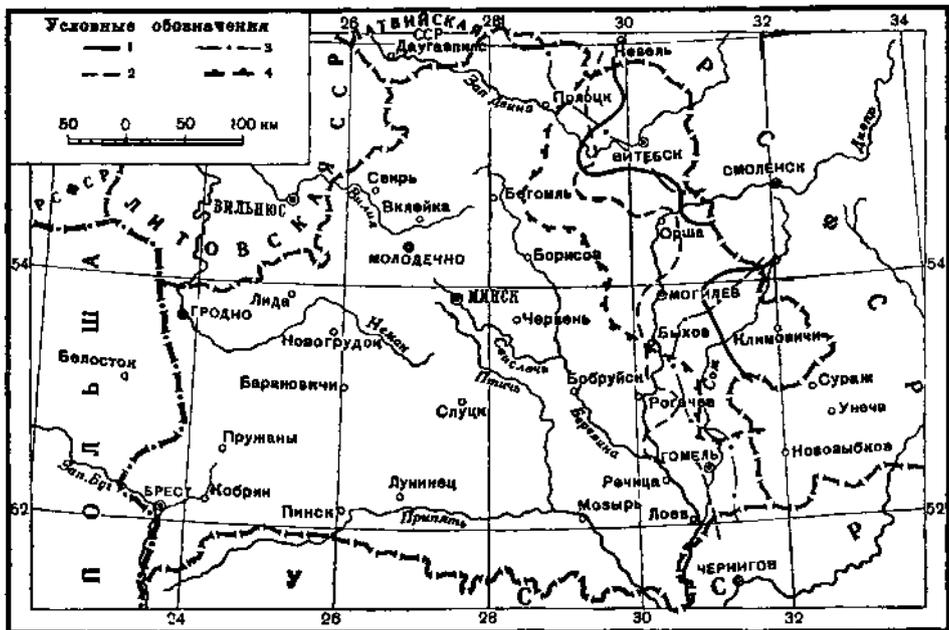
Кроме того, в качестве объединяющей черты всех говоров северо-

восточного диалектного массива выступают формы существительных женского рода II склонения на *-ой, -ей (-ай)* в твор. падеже ед. числа и формы 2-го лица на *-иц'а (-ыц'а)* глаголов повелит. наклонения мн. числа (*г'л'адз'иц'а, ст'укн'иц'а*). Но распространение их выходит далеко за пределы очерченного диалектного массива. Южная изоглосса форм на *-ой, -ей (-ай)* и на *-иц'а (-ыц'а)* вместе с южными изоглоссами некоторых явлений, приведенных в «Опыте» и пополненных Н. Дурново (монофтонгическое произношение ударяемых *о, ъ, е*, формы существительных среднего рода на *-и, -ы* в им. падеже мн. числа, отсутствие следов форм дв. числа, совпадение показателей предл. падежа и твор. падежа ед. числа прилагательных, формы 1-го лица на *-ом* и 2-го лица на *-иц'е (ѳ), -ыц'е (ѳ)* глаголов мн. числа изъявит. наклонения), совпадает с пучком изоглосс Лида — Минск — Бобруйск — Речица — Лоев, отграничивающим юго-западное наречие. Что касается приставного *в*, которое во всех классификациях выдвигалось в качестве яркой черты северо-восточного наречия, то распространение его охватывает и часть говоров юго-западного наречия, в частности его восточную группу.

Таким образом, изоглоссы явлений северо-восточной локализации образуют два значительных пучка изоглосс: Свирь Молодечненской обл. — Бегомль Минской обл. — Могилев — Сураж и Лида — Минск — Бобруйск — Речица — Лоев, приблизительно равные по охвату важнейших явлений северо-восточного диалектного массива. Естественно, что вопрос об установлении границы северо-восточного наречия не может быть решен ни на основе простого количественного учета изоглосс, ни на основе значения их, так как оба пучка изоглосс в общем равноценны для раскрытия системы живого белорусского языка. Каждый из них включает в своем составе изоглоссы как фонетических, так и морфологических явлений. Эти трудности значительно облегчаются тем, что говоры территории между этими пучками изоглосс имеют свои, не известные другим массивам черты (см. ниже), что дает основание на данном этапе изученности белорусских говоров провести границу северо-восточного наречия по линии Свирь Молодечненской обл. — Бегомль Минской обл. — Могилев — Сураж.

Кроме общих черт, объединяющих все говоры северо-восточного наречия, карты атласа выявляют немало местных особенностей, характер распространения которых позволяет выделить две группы говоров в составе этого наречия. Так, четко выделяется пучок изоглосс на восточной окраине северо-восточного наречия. В направлении с севера на восток проходят изоглоссы форм прилагательных мужского рода на *-ей* (типа *с'л'аней*), именных и глагольных основ на заднеязычный (типа на *рук'е, парѳе, п'ак'еш, п'ак'ец'*), форм инфинитива с сокращенным суффиксом (типа *н'ес'[ц']*, *клас'[ц']*, *п'еч, б'еч*), ярко выраженного диссимилятивного акалья (*выдѳ, ныдѳ, во вадѳ, нагѳ* и т. д.).

Изоглоссы отмеченных явлений проходят по западным окраинам Могилевской и Витебской областей. Некоторые из них отклоняются к северо-западу на территорию Полоцкого, Освейского, Россонского и других районов. В северной части очерченной территории имеют место локальные ограниченные фонетические и морфологические особенности — своеобразный тип диссимилятивного акалья, при котором не только *а*, но и *е* (любого происхождения) по отношению к гласному первого предударного слога функционируют как гласные нижнего подъема (*п'итѳк, б'идѳ, н'ислѳ, б'ис'ѳда, б'урѳз'н'ик, п'ик'ец'*), сохранение элементов цоканья (*п'ѳца, д'ѳка*), совпадение дат.-твор. падежей мн. числа существительных, прилагательных и местоимений (типа *браѳ мѳкрым рукѳм*), сохранение деепричастий с суффиксом *-а* (типа *идѳа, б'ур'ѳ, ст'ѳѳѳ, д'ѳѳѳ*) и др. Все изоглоссы этих локальных явлений переходят на территорию соседних великорусских говоров, под влиянием которых эти особенности развились, по-видимому, еще в период литовского господства.

Карта 8: 1 — формы прилагательных мужского рода в им. падеже ед. числа на *-ей*; 2 — формы инфинитива типа *н'ес' [ц']*, *клас' [ц']*; 3 — именные и глагольные основы на задвезычный (типа *рук'ё*, *парб'е*, *п'ак'ёш* — *п'ак'ёц'*); 4 — диссимилятивное аканье

Наличие целого ряда указанных особенностей на отграниченной территории позволяет ставить вопрос о выделении восточной группы в составе северо-восточного наречия (см. карту 8).

Западная группа северо-восточного наречия отличается отсутствием преобладающего большинства особенностей восточной локализации. Некоторые общие черты, как, например, диссимилятивное аканье, имеют в ней свои особенности. Здесь более последовательно употребляются формы перфекта и плюсквамперфекта на *-ушы* (типа *сбнца зайшб'ушы*; *йон быў пашб'ушы*, *ал'е в'арн'уц'а*).

*

Переходим к анализу диалектного массива, находящегося между юго-западным и северо-восточным наречиями. Постановка вопроса о выделении этого массива в особую диалектную группу не является новой. Впервые на наличие отдельной группы говоров на стыке юго-западного и северо-восточного наречий белорусского языка указал Н. Дурново¹. Он устанавливает, что между наречиями в пределах каждого из трех русских языков, т. е. между наречиями северовеликорусским и южновеликорусским, севернобелорусским и южнобелорусским, северномалорусским и южномалорусским и карпатско-русским «в настоящее время резких границ нет, а есть переходные говоры, образующие постепенный переход от одного наречия к другому»².

Это предположение Н. Дурново, высказанное в общей форме, было вскоре обосновано фактическим материалом в пробном диалектологическом атласе восточной части Белоруссии (в границах до сентября 1939 г.) П. Бузука³. Анализируя распространение глагольных форм 3-го лица

¹ См Н. Дурново, Очерк истории русского языка, стр 73

² Н. Дурново, Введение в историю русского языка, стр 99

³ См П. Бузук, указ соч

ед. числа, П. Бузук замечает, что по характеру оформления глаголов все белорусские говоры необходимо подразделять не на две, а на три полосы. «Такой третьей, переходной полосой являются говоры, в которых окончание *-ць* в глаголах II спряжения может отпадать, причем условием этой утраты является пударяемость тематического гласного: *носе* или в результате яканья *носья*». Правда, в этой же полосе «возможной является и дальнейшая дифференциация: также и в глаголах I спряжения может являться или отсутствовать окончание *-ць* в зависимости от ударения»¹. Однако говоры с наличием таких форм, охватывающие значительно меньшую территорию, чем говоры с формами глаголов II спряжения с ударением на основе, рассматриваются в работе П. Бузука лишь в качестве подгруппы переходной полосы.

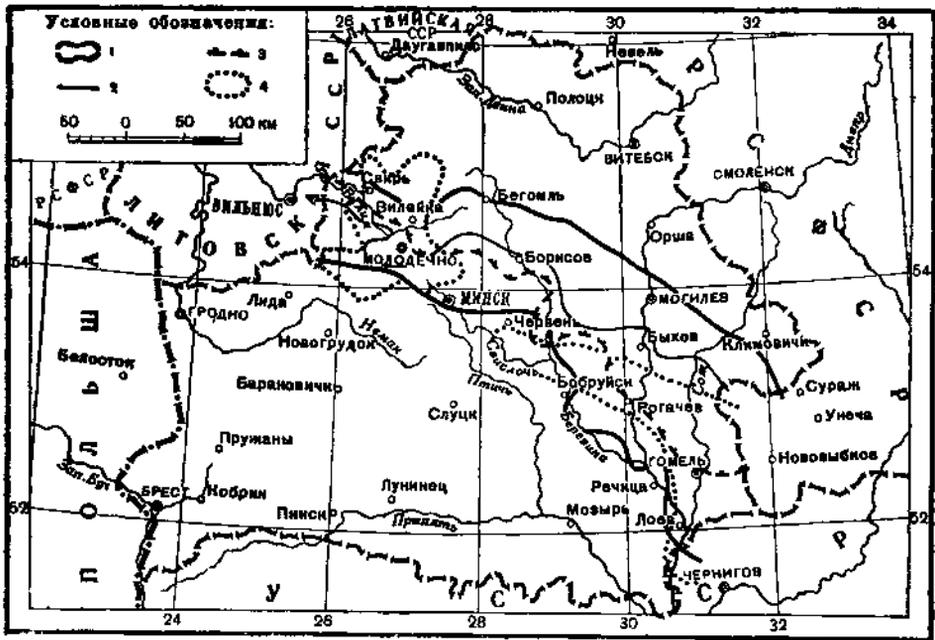
Взгляды Н. Дурново и П. Бузука на диалектный состав белорусского языка встретили поддержку у большинства лингвистов; во всех последующих классификациях белорусские говоры подразделяются не на две, а на три группы — юго-западную, северо-восточную и группу среднебелорусских говоров. На особенностях последней группы останавливаются даже и те исследователи, в работах которых затрагиваются лишь отдельные вопросы классификации белорусских говоров. Однако при характеристике структуры этой группы исследователи во многом расходятся. Так, говоры, в которых глаголы I спряжения оформляются в 3-м лице ед. числа с *-ц'* или без *-ц'* в зависимости от ударения (типа *м'эл'е [a]*, *гул'аіе [a]*, но *идз'эц'*, *б'арэц'*, *б'яец'* и т. д.), выделяются П. Бузуком в подгруппу переходной полосы. В. Курашкевич в указанной выше работе, не останавливаясь подробно на особенностях переходной группы говоров, выделяет по характеру соотношения форм на *-ц'* и без *-ц'* в 3-м лице ед. числа в зависимости от ударения сплошную зону по линии Вилейка — Минск — Быхов — Гомель — Чернигов. Наконец, как уже было замечено выше, в работах некоторых диалектологов в составе среднебелорусского массива то объединяются все говоры юго-западного наречия за исключением говоров южной группы, то этот массив ограничивается зоной минско-молодечинских говоров.

Данные, полученные в процессе картографирования, подтверждают наличие в составе белорусского языка третьей группы говоров, находящейся между юго-западным и северо-восточным наречиями. Говоры этой группы объединяются прежде всего на основании форм тематических глаголов 3-го лица настоящего и будущего времени, изоглоссы распространения которых выделяют компактный диалектный массив, пересекающий всю территорию белорусского языка с северо-запада на юго-восток (см. карту 9).

Специфической чертой третьей группы говоров являются формы глаголов 3-го лица ед. числа II спряжения без *-ц'* с подвижным и неподвижным ударением на основе (*хóдз'е [a]*, *стáв'е [a]*, *рóб'е [a]*, *гавóра*, *крýша*) и формы 3-го лица мн. числа I спряжения соответствующих глаголов на *-ац'* (типа *чытáйац'*, *кажац'*). Правда, последняя черта присуща только некоторым западным и юго-восточным говорам рассматриваемой территории. На западе это явление распространено в говорах, примыкающих к городу Молодечно, а на территории восточной части Белоруссии известно говорам, близким к Рогачеву и Гомелю (см. карту 9). Что касается глагольных форм на *-ц'* и без *-ц'* I спряжения в зависимости от места ударения (типа *идз'эц'*, но *гул'аіе [a]*), то они охватывают говоры сердцевины всей среднебелорусской полосы. Подобным же образом в этой зоне оформляются и соответствующие глаголы II спряжения (*л'ац'аіц'*, но *гóн'е [a]*, *хóдз'е [a]*, *крýша*, *знáча*, *гавóра*).

По ряду других особенностей среднебелорусские говоры сближаются с юго-западным или с северо-восточным наречиями. Так, общими для

¹ Там же, стр. 81.

Карта 9: 1 — территория распространения форм 3-го лица ед. числа II спряжения с ударением на основе типа *хба'е* [а], *га'ора*; 2 — формы 3-го лица ед. числа I спряжения с ударением на основе типа *ка'жа*; 3 — формы 3-го лица I спряжения типа *идэ'э*; 4 — формы 3-го лица мн. числа I спряжения типа *чыт'айац'*, *ка'жац'*

всех среднебелорусских говоров и юго-западного наречия являются формы прилагательных мужского рода на *-и*, *-ы* в им. падеже мн. числа. В западную часть этих говоров заходят изоглоссы ударяемых окончаний *-бм* дат. падежа и *-бл* предл. падежа мн. числа существительных мужского рода, форм слов среднего рода, обозначающих молодые существа, на *-а́* (*-о́*) в им. падеже ед. числа и некоторых других явлений.

С северо-восточным наречием все среднебелорусские говоры объединяются сокращенными окончаниями твор. падежа ед. числа существительных II склонения женского рода, формами существительных среднего рода на *-и*, *-ы* в им. падеже мн. числа, совпадением показателей предл. падежа и твор. падежа ед. числа прилагательных, формами глаголов 2-го лица мн. числа на *-иц'а* (*-ыц'а*) в повелительном наклонении и соответственно на *-иц'о* (*-ыц'о*) в изъявительном наклонении, неразличением показателей спряжения в 3-м лице мн. числа, монофтонгическим характером произношения ударяемых гласных *о*, *ѣ*, *е* и некоторыми другими чертами. Таким образом, совмещение юго-западных и северо-восточных черт является второй характерной особенностью структуры среднебелорусских говоров.

В специальной литературе высказано мнение о переходном типе среднебелорусских говоров. Известно, что вопрос о переходных говорах в восточнославянских языках еще окончательно не решен. Согласно традиционному пониманию, переходными считаются говоры, которые по основе или происхождению принадлежат к одной диалектной группе, но претерпели существенные изменения под влиянием говоров другой группы. Так, авторы «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» считали, что среднебелорусские говоры сложились на северновеликорусской основе. Начало образования их относят к сравнительно позднему времени — к периоду образования централизованного русского государства (XIV в.)¹.

¹ См.: П. С. Кузнецов, Русская диалектология, М., 1951, стр. 116; Р. И. Аванесов, Проблемы образования языка русской (великорусской) народности, ВЯ, 1955, № 5, стр. 37.

Выскажем пока лишь самые предварительные суждения относительно становления и развития среднебелорусских говоров. Современная территория среднебелорусских говоров входила в состав Полоцкой и Северской земель. В XI в. она представляла собой юго-западную окраину Полоцкой, а на крайнем юго-востоке западную окраину Северской земель, объединявших на этой территории наряду с кривичами и северянами частично радимичей и дреговичей. Последние были особенно значительными в составе Полоцкой земли. Уже самые ранние древнерусские летописи отмечают поселения дреговичей на пространствах от Припяти до Западной Двины.

Объединение различных племен в составе древнерусских земель, находившихся на территории Белоруссии, не могло, конечно, не повлечь за собой взаимодействия между основными племенными диалектами. Разумеется, это взаимодействие в ранний исторический период, поддержанное колонизационным движением дреговичей на север (по археологическим данным, дреговичи занимали территорию между Припятью, Неманом и Березиной¹) и оживленными экономическими связями по Днепру и его притокам в пределах Северской земли, было особенно интенсивным на стыках основных племенных массивов, т. е. на территории, занятой в настоящее время среднебелорусскими говорами.

В период феодальной раздробленности значительная часть современной территории среднебелорусских говоров входила в состав Минского княжества, земли которого вследствие княжеских неурядиц часто оказывались в сфере административного и экономического подчинения соседних древнерусских княжеств. Естественно, что эти процессы закрепляли и усиливали взаимодействие, наметившееся между племенными диалектами в ранний исторический период на территории Белоруссии.

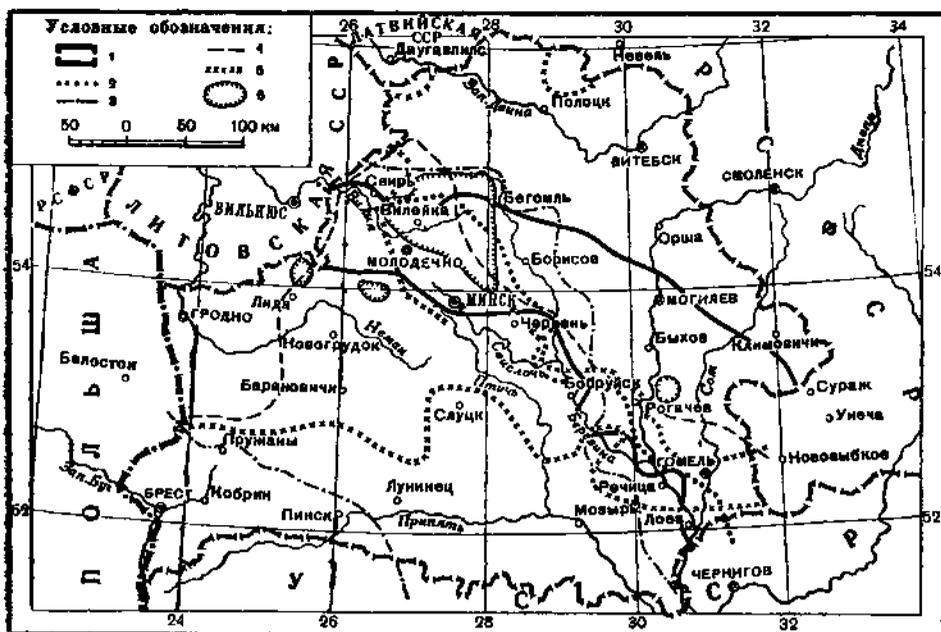
В процессе этого длительного взаимодействия племенных, а затем территориальных диалектов, по-видимому, и сложились такие специфические особенности среднебелорусских говоров, как своеобразный тип форм без *-t'* в 3-м лице ед. числа глаголов II спряжения с подвижным и неподвижным ударением на основе. Поэтому, на наш взгляд, современные среднебелорусские говоры нельзя рассматривать в плане традиционного понимания переходности, поскольку они образовались в результате длительной истории и имеют свои специфические черты, неизвестные другим диалектным массивам белорусского языка.

В период становления среднебелорусских говоров, по-видимому, доминировали языковые черты юго-западной локализации. Даже в эпоху литовского господства, как утверждает Е. Ф. Карский, дреговичи значительно продвинулись к северу и начали ассимилировать себе кривичей, но в то же время и сами они восприняли многочисленные особенности языка последних². Характерно, что северные изоглоссы распространения форм без *-t'* глаголов II спряж. (типа *гавбра, хбдз'а*) и изоглоссы глаголов I спряж. с отвердевшим конечным согласным основы (типа *кажа, в'ажа*), свойственные говорам юго-западного наречия, почти совпадают.

Что касается особенностей среднебелорусских говоров, общих с северо-восточным наречием, то они, как свидетельствуют письменные памятники, созданные на этой территории, наслоились значительно позже. Пучок изоглосс этих явлений, опоясывая среднебелорусские говоры с юго-запада, почти на всем протяжении сближается с южной изоглоссой форм глаголов II спряжения 3-го лица ед. числа без *-t'*. Таким образом, в среднебелорусских говорах различаются как бы два слоя. Своими более ранними чертами эти говоры сближаются с юго-западным наречием, более поздними образованиями они объединяются с северо-восточным. Наличие специфических структурных особенностей и дает основание ставить вопрос о выделении среднебелорусских говоров в отдельную диалектную группу.

¹ См. П. П. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 229.

² Е. Ф. Карский, указ. соч., стр. 122.

Карта 10: 1 — территория распространения глагольных форм 3-го лица ед. числа II спряжения типа *нос'е[а]*, *гавбра*; 2 — слова среднего рода на *-á[-ô]*, обозначающие молодые существа, в им. падеже ед. числа с сохранением суффикса *-ат-* в косвенных падежах мн. числа; 3 — формы существительных на *-óm* в дат. падеже мн. числа мужского рода; 4 — отверждение *м* в именах существительных среднего рода типа *плáмга*; 5 — яканье; 6 — территория распространения перехода конечного ударяемого *о* в *а* в окончаниях род. падежа ед. числа местоимений мужского и среднего рода

Среднебелорусские говоры не являются однотипными. Западную их часть охватывают изоглоссы юго-западной локализации (форм сущ. м. р. на *-óm* в дат. пад. мн. числа, форм слов среднего рода, обозначающих молодые существа, на *-á (-ô)* в им. пад. ед. числа с сохранением суффикса *-ат-* в косв. пад. мн. числа, отверждения *м* в именах среднего рода быв. основ на *-ен-* и сильного яканья), которые вместе со специфическими особенностями некоторых говоров этой зоны — переходом ударяемого конечного *о* в *а* в окончаниях род. падежа ед. числа местоимений мужского и среднего рода (типа *йага́, кага́, майга́, ус'ага́*) и своеобразным изменением *и* в *а* в первом предударном слоге (*ц'в'альи́*) — позволяют выделить м и н с к о - м о л о д е ч н е н с к и й массив (см. карту 10). В восточную часть среднебелорусских говоров заходят изоглоссы ряда явлений северо-восточной локализации, выделяющие м о г и л е н с к о - г о м е л ь с к и й массив (см. карты 10, 7, 8).

Таким образом, составленные карты диалектологического атласа белорусского языка дают основание для выделения трех основных диалектных массивов — северо-восточного, юго-западного и среднебелорусского. Объединяясь общностью грамматического строя, они выступают как говоры белорусского общенационального языка¹.

¹ В данной статье, кроме указанных источников и материалов, обработанных авторами, использованы диалектологические карты, составленные сотрудниками сектора диалектологии Института языкознания АН БССР: Н. В. Б и р и л л о (удлинение согласных), А. В. О р е ш о и к о в о й (существительное), Е. И. Ч е б е р у к (числительное), а также карты по местоимению, прилагательному и глаголу, представленные в монографических работах: А. А. К р ы в и ц к и, *Формы асабовых і зваротнага займеннікаў сучаснай беларускай мовы ў іх гісторыі*. Канд. диссерт., Минск, 1958; А. Г. М у р а ш к а, *Формы прыметнікаў у беларускіх гаворках*. Канд. диссерт., Минск, 1958; Ю. Ф. М а ц к е в и ч, *Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове*, Минск, 1959.